УДК 821.161.1

О. М. Давыдов

Рождественские нарративы в творчестве Сергея Дурылина

Аннотация. Речь пойдет о рождественских нарративах в творчестве выдающегося русского мыслителя Сергея Николаевича Дурылина, соратника о. Павла Флоренского, писателя и литературоведа, о созданном им образе «четвертого волхва» как символа России, ищущей веру. Рассмотрена бытовая рождественская символика дореволюционной Москвы.

Ключевые слова: *Сергей Дурылин, Рождество Христово, рождественская новелла, дореволюционная Москва, четвертый волхв*

Для цитирования: *Давыдов О. М.* Рождественские нарративы в творчестве Сергея Дурылина // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 465–471.

Сведения об авторе: Давыдов Остап Михайлович — редактор отдела научных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Российская Федерация, г. Челябинск). *E-mail: ostap.davydov@mail.ru*

Сергей Николаевич Дурылин — православный мыслитель, писатель, священник, этнограф, литературовед и театральный критик, историк. За два года пребывания на Урале он оставил в культуре региона заметный след, был заместителем директором и фактически сооснователем Челябинского краеведческого музея, как археолог — обнаружил на берегах уральского озера Смолино стоянку каменного века, как фольклорист — зафиксировал и систематизировал устные легенды (некоторые из этих сюжетов воплотились в его собственном творчестве, например в повести «Хивинка»).

Сергей Дурылин в юности увлекался толстовством, после этнографической экспедиции на Русский Север возвратился в церковное лоно, посещал Оптину пустынь, однако старец, преподобный Анатолий Оптинский отказывал ему в монашестве, совсем как Алеше Карамазову. В 1918–1919 гг. С. Дурылин переехал в Сергиев Посад, вместе с о. Павлом Флоренским работал в его архивах, посещал в последние дни перед кончиной философа Василия Розанова. В 1920 г. целибатом принял священный сан и служил под началом другого старца — праведного о. Алексия Мечёва. В 1923 г. начались его скитания по ссылкам — Челябинск, Томск... С ним по благословению старца Алексия Мечёва отправилась помощница Ирина

© О. М. Давыдов, 2026

Комиссарова. Под давлением властей, рассчитывавших, что женившийся целибатный священник автоматически лишается сана, о. Сергий Дурылин вступил с Ириной Комиссаровой в брак. Принято считать, что жили они как брат и сестра. Власти разрешили Дурылину публиковать литературную и театральную критику, жить недалеко от Москвы в пригородном Болшеве (нынешний г. Королёв), на даче, собранной, по преданию, из камней разрушенного Страстного монастыря.

С 1920-х гг. главный пафос публицистики и эпистолярного и дневникового наследия Сергея Дурылина обращен в прошлое: это созерцание того, чем «жила и дышала старая Москва» (название одного из его современных сборников). С. Дурылин заворожен угасанием прежней России, пытается передать читателю остатки ее тепла. Немало страниц его творчества посвящено описанию церковных праздников, и все это подано через личное восприятие глазами собственной юности.

Особое место у С. Дурылина занимают Рождество и Пасха. «Это праздники по преимуществу детские, на них словно исполняется сила слов Христовых: аще не будете яко дети, не имати внити в Царство Божие», — цитирует Сергей Дурылин Константина Победоносцева[1].

Воспоминания о Рождестве Христовом — в письмах ли, в редких печатных заметках — С. Дурылин адресует читателям другой эпохи. И действительно, многие реалии его детства непривычны и не всегда понятны не только пионерам (во времена, когда елка уже вернулась в советский быт), но и современному юношеству.

Прежде всего, в сочельник в доме никакой елки и гирлянд. Продолжается самое строгое время Рождественского поста. Говение продолжается «до самых звездных сумерек», после чего был короткий перекус, семья готовилась к обедне, начинавшейся в два часа ночи. С. Дурылин вспоминает детские мысли перед Чашей, радость общей молитвы «миром», как объяснили ребенку — «со всем народом». За Литургией неуклонно следует благодарственный молебен в «воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов». Ребенку трудно соединить в воображении торжество

[1] *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники. М., 2014. С. 289.

над неведомыми галлами и Младенца, лежащего в яслях, в окружении волхвов — впоследствии же Сергей Дурылин станет автором монографии о писателях-героях Отечественной войны 1812 г.[2]

Рождественским утром, когда вся семья пробудилась, раздается звонок в передней — Дед Мороз принес елку. Подглядывать нельзя, хотя старшие догадываются, что на самом деле дерево доставил приказчик с ярмарки, у которого отоваривается семья. «Мы ждали рождественского утра с трепетом: придет Дед Мороз непременно, но оставит ли он нам елку?». Горничная Маша отвечала кому-то с порога, что дети вели себя хорошо[3].

Наконец детям разрешено выходить в гостиную, и вот перед ними лесная красавица, «высокая, стройная, ласково пахучая». «Первое чувство: изумление, начинается новогодняя сказка!» Дети сами украшали елку золотистой и серебряной бумагой, пестрыми свечами, шоколадными фигурками, среди которых медведики, кони, собачки — сказочное царство, где «княжит шоколадный Дед Мороз»[4].

В 1940-х гг. С. Дурылин сетовал на перемену отношения детей к елочным игрушкам. Фабричная игрушка, купленная в «Детском мире» становится предметом торга и обладания, ребенок приобретает ее и владеет ею, пусть даже на время праздника. Совсем иначе воспринимается съедобная игрушка, короткое удовольствие, которым не устает одаривать елка (после того как дети натешились сладостями, на ветвях появляются новые).

В переписке с Е. Ю. Гениевой Сергей Дурылин повествует о том, как пытается воспроизвести праздник своего детства в реалиях 1943 г.: «Я пишу под елочкой. Она очень маленькая, стоит на столе. Она стоила пятачок. Наделал сам из бумаги куколок, деда Мороза, часы, рыбок, цветы, звезду, все это посеребрил свинцом из-под чая (видимо, речь об упаковке. — *О. М.*), а частью вызолотил. Ирина купила грецких орехов и кедровую шишку за 2 копейки, я их тоже позолотил порошком. Вышла премилая ёлочка. Есть еще дед Мороз, которого Ирина вырезала из дерева»[5].

---

[2] *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники. С. 268.

[3] Там же. С. 302.

[4] Там же. С. 303.

[5] *Дурылин С. Н.* «Я никому так не пишу как Вам...»: Переписка С. Н. Дурылина с Е. Ю. Гениевой. М., 2010. С. 134.

Пока дети веселились у елки, взрослые наслаждались праздничным обедом, на котором были рады и беднякам, расчет приготовляемых порций делали примерно, не зная заранее, сколько гостей придет.

Елка оставалась центром притяжения Святок. Отец не позволял, чтобы елка осталась в доме в Крещенский сочельник, но дерево не выбрасывали с другим сором, его аккуратно ставили во дворе, и дети во время прогулки подходили к ней, для них она оставалась «сказочной царевной, лишенной своего царства»[6]. И лишь весной елка исчезала куда-то вместе с тающим снегом.

Интересно отношение семьи к святочным гаданиям — при том, что сам повествователь — священник, а отец его строго религиозен.

Святочные гадания воспринимались не как предсказания будущего, а как допустимое развлечение, игровой ритуал, достаточно редкий, для которого каждый участник раз в году вспоминает (или придумывает) особые правила. При этом церковные родители в шуточном действе не участвуют. Гадают на кухне, в комнате прислуги, и наконец в детской, куда к няне Сережи Дурылина собираются другие горничные. «Лили воск в воду, рассматривали ее тень на стене, отыскивая в ее форме сходство то с корабликом, то с крестом, то с человеком». Приносили откуда-то перепуганного петуха, заставляя его выбрать кольцо, землю, уголь или пшено. Однажды петух выбрал кольцо и подавился им, с трудом драгоценность удалось вызволить и спасти птицу от преждевременной смерти. Наконец, было и известное гадание, известное сегодня по пушкинскому «Евгению Онегину» — спросить имя у случайного прохожего: такое имя и будет носить суженый, который появится в новом году. В гадании охотно участвовали все дети и молодежь, кто в брак вступать и не собирался. «Иной раз от пяти прохожих подряд слышишь: Иван, Иван... Немало смеха, если в ответ раздавалось Капитон или Тит. Зато никогда нельзя было услышать: Вадим, Валерий, Игорь, Олег. Все эти поэтические имена стали даваться исключительно в интеллектуальном кругу, читателями „Вадима“ Лермонтова и слушателями оперы „Князь Игорь“», — вспоминал Сергей Дурылин[7].

[6] *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники. С. 305.
[7] Там же. С. 308–309.

Не случайно «простым именем» одарен и центральный персонаж рассказа «Четвертый волхв». Текст оформился не сразу, наброски его появились еще 20 декабря 1923 г. на страницах дневника во время ссылки в Челябинск, впоследствии изданного в книге «В своем углу».

Старая няня Пелагея Сергеевна, рассказывая перед сном детям о поклонении волхвов, вдруг сообщала, что был еще четвертый волхв, и он носил «русское имя, самое простое» — таким, по мнению няни, было имя Иван.

«Няня поднимала взор к образу Спасителя, перед которым всегда висела зеленая лампада, и истово крестилась... Брат отходил к окну. Стекло чуть тронул мороз. Белые блестящие ели разрослись на нижней части стекла. Это был белый рождественский веселый снег. В нем много было цветов и длинных узорных трав. На них сидели белые птицы. Но брат искал не их. Он грел оставшийся чистым кусочек стекла — искал в нем первую звезду. Но она еще не загоралась в небе — или хмурые снежные тучи еще закрывали ее»[8].

Четвертый волхв пока не дошел ко Христу, он заблудился «в лесах, в пещорах, в пустынях-густынях, и дар, что Богу нес, у него отняли злые люди». Дар — ржаной хлеб (ибо что еще по мнению няни может быть у простого русского человека); няня нарочно произносила «хресьянин» — среднее между «крестьянин» и «христианин».

Дети расспрашивают няню, выйдет ли из леса четвертый волхв? И няня, невольно пророчествуя, отвечает: да, выйдет, когда «нивы дар приготовят, когда откроется от русской земли праведный путь до Божьего града»[9].

Когда же это произойдет, никому не ведомо, но прежде четвертый волхв должен будет посеять зерно, вырастить и пожать ниву, затем испечь новый хлеб и для этого зажечь огонь такой, чтобы он был чист и светел, а такой огонь возможен лишь от «честнаго древа»... Рассказ няни прерывается криком брата: «Няня, я нашел рождественскую звезду! Вот она! Голубая!».

Нянин сказ, вероятно, действительно представлял из себя диковинную смесь церковных эпитетов, известных евангельских сюжетов, перепутанных, как это бывает в фольклоре (например «честное

[8] *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники. С. 290–291.
[9] Там же. С. 291.

древо» — не Крест Господень, а некое чудесное дерево). Но не будем забывать, что рассказ написан молодым священником, стоящим в начале своего пути.

Отсюда и нарочитые евангельские реминисценции, и одновременно диалог с Писанием, попытка ввести в оборот четвертого волхва, несущего дары от многострадальной, «потерявшей себя» России.

Рассказ заканчивается общей молитвой — няня и дети становятся перед иконами и поют рождественский тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» И на словах «Тебе кланятися, солнцу правды» — все совершают земной поклон.

«Я знаю, впрочем, и еще больше: я верю, что четвертый волхв выйдет из лесов и найдет прям путь до этой голубоокой звезды и принесет Родившемуся в эту ночь Дар земли своей. И Родившийся, Царь Небесный, Сын Человеческий, примет этот Дар вместе со златом, ливаном и смирною, ибо это будет праведный хлеб, он чист», — завершает свое повествование Сергей Дурылин[10].

Предвидел ли С. Дурылин возрождение православия в России? Сложно сказать: в дневниках его чаще охватывал скепсис по поводу будущего религии в советской стране. И тем не менее в русском человеке он видел не «потерявшего веру», но лишь заблудившегося в «пустынях-густынях», которого тем не менее согревают искры «бытового» христианства, усвоенного в детстве. Чтобы открыться Богу вновь, важно не просто умалиться, но вернуться в детство, чтобы с очищенным сердцем принести Христу свой дар — нянин «чистый хлеб».

А Рождество Христово — особое время, когда можно не только возродить веру, но и ощутить возвращение к своим истокам.

Источники и литература

Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. EDN QSLFKJ

Дурылин С. Н. «Я никому так не пишу как Вам...»: Переписка С. Н. Дурылина с Е. Ю. Гениевой. М., 2010. EDN QVPXXV

Дурылин С. Н. Рассказы, повести и хроники / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. М.: Владимир Даль, 2014. EDN TMSJKV

[10] *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники. С. 293.

Ostap M. Davydov

Christmas Narratives in Essays and Novels by Sergey Durylin

Abstract. The article focuses on Christmas themes in the works of the outstanding Russian writer and theologian Sergey Durylin, an associate of Fr. Pavel Florensky. Attention is paid to the Durylin's conception of the "fourth wise man" who gifts bread to Christ child and symbolizes post-revolution Russia in search of faith. The Christmas lifestyle of Old Moscow is also considered.

Keywords: *Sergey Durylin, Moscow Christmas traditions, fourth wise man*

For citation: Davydov O. M. Christmas Narratives in Essays and Novels by Sergey Durylin. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 465–471. (In Russ.)

About the author: Davydov, Ostap Mikhailovich — Editor of the Department of Scientific Communications at South Ural State University (Russian Federation, Chelyabinsk). *E-mail: ostap.davydov@mail.ru*